ДЖІОВАННИ БОККАЧЧІО.

РАЗСКАЗЪ

о томъ, какъ Кикибіо, поваръ Куррадо Джіанфильяци, ловкой шуткой превращаетъ гнѣвъ своего господина на милость и избавляется тѣмъ отъ непріятнаго наказанія.

Куррадо Джіанфильяци, какъ каждый изъ васъ, вѣроятно, знаетъ и слышалъ *), считался благороднымъ гражданиномъ въ нашемъ городѣ и, ведя рыцарскій образъ жизни, постоянно возился съ собаками и птицами па охотѣ, пренебрегая своими собственными, наиболѣе серьезными дѣлами.

Однажды, на охотѣ, бывшей близь деревни Перетола, соколъ его взялъ журавля и, такъ какъ эта птица оказалась молодою и довольно жирною, то онъ велѣлъ отдать ее повару, по имени Кикибіо, съ приказаніемъ, чтобы она была изжарена и подана ему къ ужину. Кикибіо, замѣтимъ, былъ человѣкъ легкомысленный. Принявъ журавля, онъ постарался приготовить его какъ только могъ лучше. Въ то время, когда жаркое было уже почти готово, и вкусно пахло жареннымъ, въ кухню вошла знакомая Кикибіо женщина, Брунетта, за которою онъ ухаживалъ. Пріятный запахъ жаренной птицы, только что снятой съ вертела, возбудилъ въ ней желаніе попробовать ее и она нѣжно начала поэтому упрашивать его, дать ей лапку журавля. Кикибіо, подсмѣиваясь надъ ней и распѣвая, отвѣчалъ: — Нѣтъ, милая донна-Брунетта, вы не получите отъ меня лапки, не получите лапки! — „А! когда такъ, отвѣтила женщина, если вы не хотите дать мнѣ даже лапки, то клянусь вамъ, вы никогда не получите отъ меня ничего“. Послѣ долгаго спора между собой, Кикибіо, не желая огорчить отказомъ свою возлюбленную даму, рѣшается наконецъ отрѣзать ей одну лапку и даетъ ей.

У барина его въ этотъ день собралось большое общество къ ужину. Журавль былъ поданъ на столъ съ одной ногой. Кто-то изъ гостей, замѣтившій это, выразилъ удивленіе. Позвавши своего повара, синьоръ Куррадо, потребовалъ у него объясненія: куда дѣвалась другая нога? Какъ подобаетъ Венеціанцу, Кикибіо былъ большой руки лгунъ и потому онъ, нисколько не смущаясь, отвѣтилъ на вопросъ своего барина, что у журавлей не бываетъ обыкновенно больше одной ноги и одной ляжки.

„Какъ, чортъ возьми, не бываетъ больше одной ноги и одной ляжки?“ — сказалъ ему тогда сеньоръ Куррадо, — „не воображаешь-ли ты, что я кромѣ этого не видалъ никогда журавлей?“ — Не извольте сомнѣваться въ этомъ, синьоръ; то, что я

*) Currado Gianfigliazzi siccome ciascuna di voi e udito e veduto puote avere etc. — Боккаччіо, избравъ такую форму обращенія къ своимъ слушателямъ, этимъ самымъ подтверждаетъ дѣйствительность факта, разсказываемаго имъ, потому что въ противномъ случаѣ его слушатели могли-бы обвинить его во лжи.

говорю — истинная правда, я могу показать вамъ если угодно, такихъ и живыхъ. — Въ виду многочисленности гостей Куррадо не захотѣлъ дѣлать большаго шума и ограничился тѣмъ, что сказалъ грубіяну: „хорошо, негодяй, такъ какъ ты осмѣливаешься утверждать то, чего я не только никогда не видалъ, но и не слыхалъ, то мы посмотримъ завтра, какъ ты сдержишь свое слово, но запомни, что если ты мнѣ этого не докажешь, клянусь тебѣ тѣломъ Христовымъ, я такъ накажу тебя, что ты всегда будешь помнить меня“.

Окончивъ вечеръ этими словами, Куррадо, на другое утро, поднялся съ разсвѣтомъ. Такъ какъ даже сонъ не могъ успокоить его, то онъ поднялся съ самаго ранняго утра, со страстнымъ желаніемъ отплатить своему повару. И такъ, сѣвъ самъ на лошадь и посадивъ своего Кикибіо на другую, онъ велѣлъ ему слѣдовать за нимъ, направившись прямо къ тому ручью, у береговъ котораго, онъ зналъ, всегда можно было встрѣтить при восходѣ солнца массу журавлей. „Мы посмотримъ теперь — говорилъ онъ ему съ сердцемъ, дорогою, посмотримъ — кто изъ насъ правъ ты или я? Кикибіо сейчасъ-же замѣтилъ, что вчерашній гнѣвъ хозяина его еще не прошелъ и убѣдился въ необходимости доказать справедливость своихъ словъ, не зная впрочемъ, какъ выпутаться изъ бѣды. Не мудрено поэтому, что онъ трусилъ рядомъ со своимъ хозяиномъ, преисполненный ужаснаго страха и съ удовольствіемъ-бы убѣжалъ куда нибудь, если-бы это было возможно. Но бѣжать ему было некуда. Куда-бы ни взглянулъ онъ, ему повсюду казались только двуногіе журавли. Какъ только они подъѣхали довольно близко къ ручью, Кикибіо замѣтилъ первый цѣлую дюжину журавлей, стоявшихъ на одной ногѣ, какъ дѣлаютъ эти птицы обыкновенно когда онѣ спятъ. Тотчасъ-же онъ указываетъ на нихъ своему господину, говоря при этомъ: Посмотрите, синьоръ, не правду-ли я говорилъ вамъ вчера? Взгляните сами: у каждой изъ нихъ не болѣе одной ноги и одной ляжки. — А я покажу тебѣ сейчасъ, что у нихъ не одна, а двѣ, отвѣтилъ ему синьоръ Куррадо. Подожди! — и, подойдя поближе къ нимъ, онъ началъ кричать: У! у! у! Услушавъ шумъ, журавли, разумѣется, проснулись, и повытянувъ каждый обѣ свои лапы, взмахнувъ крыльями, полетѣли. Ага! разбойникъ, — сказалъ онъ ему, — видишь ты сколько ногъ у журавлей: двѣ или одна? Ну, что ты теперь скажешь?—„Да, синьоръ, отвѣтилъ тотъ самъ не зная, что сказать, но вѣдь вы вчера такъ не кричали жареному журавлю: У! у! у! какъ вы изволите кричать сегодня: можетъ быть и онъ вытянулъ-бы также другую свою лапу“. Находчивый отвѣтъ повара такъ понравился синьору Куррадо, что совершенно его обезоружилъ. Едва удерживаясь отъ хохота, онъ сказалъ ему: — Ты правъ, Кикибіо, мнѣ такъ и слѣдовало-бы сдѣлать! — Такимъ образомъ находчивый отвѣтъ повара избавилъ его отъ наказанія и примирилъ съ хозяиномъ.